

мисса и согласия. Наиболее выраженными и значимыми, консолидирующими остаются идеи и лозунги стабильности (50 %), законности и порядка (42 %). Среди других идей и ценностных программ, которые могли бы сегодня объединить российское общество, опрошенные называли возможность достойной жизни (имея в виду соответствующий представлениям о приличном существовании материальный достаток, который должно им обеспечить государство, — 31 %), богатство и процветание (18 %), а также необходимость социальной защиты для всех жителей страны (22 %), равенство и справедливость (14 %; о потребности в гарантиях такого рода, хотя бы чисто словесной, мы уже говорили).

Более определенно выраженные политические и идеологические ценности сохраняют свою привлекательность лишь для явного меньшинства, самых разных, чаще полярных политических ориентаций. Это строительство коммунизма (4 %), создание православного государства, реставрация монархии (2—4 %), а также быстрая и полная европеизация, вестернизация, вхождение в современный мир (4 %). Иначе говоря, массовые интересы и ожидания связаны уже не с надеждами на какого-то нового лидера, фигуру «спасителя», а скорее с образом «отца нации», консервативного и умеренного политика, оберегающего страну от крайностей и потрясений, лишенного идеологического утопизма и радикализма неоконсерваторов и коммунистических реваншистов. В концентрированном виде русский национализм, составляющий основу массовой политической идентичности, можно обнаружить лишь у национал-коммунистов и близких к ним мелких радикальных объединений. Отдельные элементы этой государственнической идеологии присутствуют у всех без исключения участников на российской политической сцене, даже у западников и либералов, идеологов резкого ограничения влияния государства на экономическую и публичную жизнь общества. Но более распространенным является вариант умеренного национал-популизма, где лозунги и призывы к возрождению великой России, возвращению статуса великой державы играют чисто вспомогательную роль легитимации модифицированной региональной, финансово-промышленной или иной корпоративной бюрократии. Подобная риторика тешит сознание российского обывателя, который, однако, реально уже не верит в это.

ГЛАВА 10

Хмурое утро: геополитические перспективы России на пороге XXI века

В первой главе рассматривались основные геополитические концепции, существующие в современной России. В последующих разделах рассказывалось о географии разных видов внешних связей — торговли, иностранных инвестиций, туризма и др. Сложившийся пространственный рисунок этих связей во многом определяет интересы страны, которые призвана защищать внешняя политика. Поэтому в заключительной главе авторы поставили целью проанализировать реальную географическую конфигурацию внешних связей страны и ее внешнюю политику, чтобы определить, насколько реальность отличается от геополитических проектов и каким в действительности является геополитическое положение России.

Отражением внешнеполитических связей страны служит обмен визитами политических деятелей. В одной из своих предыдущих работ авторы показали, насколько радикально изменилась еще в 1989—1991 гг. внешнеполитическая ориентация России, если рассматривать ее в зеркале визитов политических лидеров (Kolossova, Treivish, Tourgovsky, 1993) — президентов, премьер-министров, вице-премьеров, министров иностранных дел и обороны, составляющих ту часть политического истеблишмента, которая традиционно определяет внешнюю политику (табл. 32). Число визитов, их «сальдо» для каждой страны и региона, распределение между геополитическими оболочками — весьма яркий показатель изменений внешнеполитических ориентаций России, а точнее, далеко не законченных поисков своего места в формирующемся мировом геополитическом порядке.

Главные выводы из данных, приведенных в таблице 32, можно свести к следующему.

1. Россия теперь скорее «евразийская», чем мировая, держава: она почти совсем «ушла» из Африки, значительно сократила свою активность в Латинской Америке и в некоторых регионах Азии. Возможности ее влиять на мировые события резко сократились, и вряд ли в обозримой перспективе можно ожидать их существенного роста.

Так, в 1989 г. население России составляло 2,9 % мирового, в 1999 г., по оценкам, — 2,4, к 2010 г. снизится до 1,9 % (Юрков, 1997, с. 99—107). В 1985 г. на Россию приходилось 4 % мирового ВВП (6-е место), в 1995 г. — менее 2 % (11-е место). По производству промышленной продукции за 1990—

1997 гг. Россия переместилась с 5-го на 12-е место в мире. Вряд ли в условиях сокращающейся (или сократившейся) экономики стране удастся долго поддерживать на прежнем уровне военный потенциал.

Вместе с тем Россия продолжала претендовать на сохранение своей глобальной роли, причем в этом вопросе западные страны сделали ей шаг навстречу. Запад принял решение не обострять отношения с «непредсказуемой» Россией, демонстрируя ей ее собственную слабость и подталкивая к национализму и самоизоляции, а политически интегрировать страну в группу наиболее развитых государств мира, допустив к обсуждению глобальных проблем. Важнейшим элементом российской внешней политики стало участие в саммитах «семерки» мировых держав, что наряду с членством в Совете Безопасности ООН и статусом государства, обладающего ядерным оружием, служило индикатором глобальной роли России. Причем в 1997—1998 гг. западные лидеры иногда открыто подыгрывали России. Так, в июне 1997 г. прошла встреча «семерки» с участием России в Денвере, на которой президент США Б. Клинтон назвал группу «восьмеркой». А в комментариях к саммиту в Бирмингеме в мае 1998 г. говорилось, что Москва впервые выступила в роли полноправного члена сообщества ведущих мировых держав. Значимым событием стал саммит «восьмерки» в Кёльне в июне 1999 г.

2. Ощутимый перелом во внешнеполитической деятельности произошел, когда в начале января 1996 г. А. Козырева сменил на посту министра иностранных дел Е. Примаков. Этот перелом выразился прежде всего в существенном расширении контактов со странами СНГ. Регулирование отношений с бывшими советскими республиками стало ключевой геополитической задачей России. Устойчивость новых тенденций подтвердил опыт последующих лет, особенно 1999 г., когда страны СНГ стали главным направлением обмена визитами (без малого 50 % от общего их числа). При этом Россия пока еще остается своего рода геополитическим центром постсоветского пространства, поскольку «сальдо» визитов для нее положительное: иными словами, руководители стран СНГ чаще приезжают в Россию, в том числе на различные форумы, чем российские выезжают в обратном направлении.

Таблица 32. Распределение визитов политических лидеров в 1991–1999 гг. по регионам мира (в скобках – в %)

Визиты из России

Год	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Всего
1991 (СССР)	12 (33)	4 (11)	—	9 (25)	9 (25)	2 (6)	0	0	36
1992	17 (30)	4 (7)	16 (29)	4 (7)	8 (14)	5 (9)	0	2 (4)	56
1993	13 (36)	4 (11)	5 (14)	6 (17)	3 (8)	5 (14)	0	0	36
1994	12 (44)	1 (4)	4 (15)	2 (7)	5 (19)	3 (11)	0	0	27
1995	21 (36)	5 (8)	11 (19)	7 (12)	5 (8)	8 (14)	1	1	59
1996	14 (24)	4 (7)	19 (33)	8 (14)	6 (10)	3 (5)	3 (5)	1	58
1997	32 (38)	4 (5)	19 (22)	14 (16)	5 (6)	6 (7)	5 (6)	0	85
1998	23 (37)	10 (16)	17 (27)	9 (14)	0	2 (3)	1	1	63
1999	18 (27)	7 (10)	28 (42)	5 (7)	5 (7)	4 (6)	0	0	67

Визиты в Россию

Год	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Всего
1991 (СССР)	24 (34)	15 (21)	—	9 (13)	12 (17)	5 (7)	2 (3)	3 (4)	70
1992	3 (11)	4 (14)	16 (57)	2 (7)	2 (7)	0	0	1	28
1993	5 (29)	0	9 (53)	0	1	2 (12)	0	0	17
1994	3 (17)	1	8 (44)	2 (11)	1	2 (11)	1	0	18
1995	12 (27)	7 (16)	16 (36)	2 (4)	2 (4)	4 (9)	1	1	45
1996	21 (30)	10 (14)	30 (43)	3 (4)	2 (3)	3 (4)	1	0	70
1997	29 (32)	5 (5)	32 (35)	11 (12)	6 (7)	4 (4)	4 (4)	0	91
1998	19 (32)	6 (10)	17 (29)	5 (8)	4 (7)	4 (7)	2 (3)	2 (3)	59
1999	16 (20)	7 (9)	36 (46)	6 (8)	12 (15)	1	0	1	79

Общая сумма визитов

Год	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Всего
1991 (СССР)	36 (34)	19 (18)	—	18 (17)	21 (20)	7 (7)	2 (2)	3 (3)	106
1992	20 (24)	8 (10)	32 (38)	6 (7)	10 (12)	5 (6)	0	3 (4)	84
1993	18 (34)	3 (6)	14 (26)	6 (11)	4 (8)	7 (13)	0	0	53
1994	15 (33)	2 (4)	12 (27)	4 (9)	5 (11)	5 (11)	1	0	45
1995	33 (32)	12 (12)	27 (26)	9 (9)	7 (7)	12 (12)	2 (2)	2 (2)	104
1996	35 (27)	14 (11)	49 (38)	11 (9)	8 (6)	6 (5)	4 (3)	1	128
1997	61 (35)	9 (5)	51 (29)	25 (14)	11 (6)	10 (6)	9 (5)	0	176
1998	42 (34)	16 (13)	34 (28)	14 (11)	4 (3)	6 (5)	3 (2)	3 (2)	122
1999	34 (23)	14 (10)	64 (44)	11 (8)	17 (12)	5 (3)	0	1	146

Баланс визитов

Год	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Всего
1991 (СССР)	12	11	—	0	3	3	2	3	34
1992	-14	0	0	-2	-6	-5	0	-1	-28
1993	-8	-4	4	-6	-2	-3	0	0	-19
1994	-9	0	4	0	-4	-1	1	0	-9
1995	-9	2	5	-5	-3	-4	0	0	-14
1996	7	6	11	-5	-4	0	-2	-1	12
1997	-3	1	13	-3	1	-2	-1	0	-6
1998	-4	-4	0	-4	4	2	1	1	-4
1999	-2	0	8	1	7	-3	0	1	12

3. Восточная Европа, которую ныне часто предпочитают называть Центральной, перестала быть фокусом внешнеполитической активности России за пределами бывших советских границ. Особенно это заметно по сравнению с 1973 г., когда доля европейских социалистических стран в общем числе визитов в СССР и из него превысила 26 %, несмотря на относительно более высокую в то время открытость страны — пик «разрядки». Еще выше замкнутость советской внешней политики на «социалистический лагерь» ощущалась в менее благоприятные периоды. Так, в 1980 г., вслед за резким ухудшением отношений между Востоком и Западом после советского вторжения в Афганистан и в результате планов НАТО разместить американские ракеты средней дальности в Западной Европе, доля европейских социалистических стран в визитах выросла до 36 %. Упав до 7—8 % в 1989—1990 гг. вследствие краха коммунистических режимов, затем она колебалась в основном на уровне 11—14 %. До драматических событий 1998—1999 гг. в Косове Россия имела положительное сальдо обменов и с восточноевропейскими странами.

4. Главным направлением внешнеполитической активности России в дальнем зарубежье устойчиво выступает Западная Европа: на нее приходится около трети обменов зарубежными визитами и даже несколько больше в благоприятные периоды. Так, еще в период разрядки 1970-х годов она поднялась до 22—23 %, затем в 1980 г. опустилась до 13 %, резко — до 35—36% — увеличилась в переломные 1989—1991 гг., когда в результате распада Советского Союза и понижения геополитического статуса России ее внешняя политика почти целиком свелась к отношениям с западными, прежде всего западноевропейскими, странами. Доля обменов с ними вновь снизилась в 1999 г.

5. При Е. Примакове российская внешняя политика стала более диверсифицированной, особенно за счет развития контактов на высоком уровне со странами Азии. «Сальдо» визитов для России было, как правило, отрицательным, что свидетельствует об определенной инициативе России.

Хотя окончательные выводы делать преждевременно, в 1999 г. наметилась тенденция к некоторому территориальному сжатию сферы внешнеполитической активности страны, что, безусловно, стало следствием косовского кризиса и от-

носительного ухудшения отношений между Россией и США. В этом в свою очередь можно усмотреть опасную тенденцию к формированию «псевдобиполярного» мирового геополитического порядка и изоляции России, о чем пойдет речь ниже.

Рассмотрим теперь основные направления российской геостратегии.

Россия и ближнее зарубежье. Отношения между Россией и ближним зарубежьем складываются под влиянием многих факторов. Главную роль, несомненно, играет меняющийся экономический градиент на границах России. Если наконец она воспрянет из глубокого экономического кризиса и позиции рубля по отношению к валютам соседних стран укрепятся, это станет сильнейшим фактором тяготения к ней бывших советских республик. Тогда усилится и демографическое «давление» на Россию с юга, добавятся потоки экономических мигрантов к продолжающемуся, хотя и несколько сократившемуся, исходу в Россию беженцев и вынужденных переселенцев. Высокая рождаемость и структурные диспропорции в экономике еще в советское время вызвали значительный избыток рабочих рук в южных республиках и северокавказских автономиях. Тем более велик он теперь, когда разрушились старые хозяйственные связи, большинство крупных предприятий лишились рынков сбыта, а для создания новых рабочих мест катастрофически не хватает инвестиций. До настоящего времени этнические, лингвистические и религиозные разломы, разделяющие новые государства, углубляются растущим разрывом в степени рыночной и структурной трансформации их экономик.

Однако отношения России с ближним зарубежьем определяются не только и скорее всего не столько экономическими факторами. Внешнеэкономическая ориентация многих бывших советских республик, в том числе и самой крупной из них — России, изменилась на удивление быстро; например, главным торговым партнером России является вовсе не соседняя Украина, а Германия. Главное в том, что между странами, столетиями входившими в состав одного государства, сформировались культурные и гуманитарные связи, которые носят действительно долговременный и инерционный характер. Эти связи определяются многомиллионными

русскими и иными меньшинствами, оказавшимися за пределами России и других своих титульных государственных образований в результате распада СССР. Наиболее многочисленные русские и русскоязычные меньшинства в большинстве стран испытывают «официальную», как в Латвии и Эстонии, но чаще изощренную скрытую дискриминацию. По сути в аналогичном положении оказались или рискуют оказаться русские в некоторых «национальных» республиках самой России, в которых власть монополизировали титульные политические элиты.

Но гуманитарные связи между Россией и ближним зарубежьем нельзя, разумеется, измерить только удельным весом этнических русских. Во многом они определяются также использованием русского языка и распространением русской или, точнее, общероссийской в широком смысле культуры. Соотношение между этнической и политической идентичностью, так называемым родным языком и предпочитаемым языком общения, весьма сложно и противоречиво. Исследования профессора В.А. Тишкова и его сотрудников показали, что последняя советская перепись 1989 г. недооценивала численность и долю русскоязычного населения, и не потому, что она была плохо проведена. Вопрос о родном языке люди понимали как вопрос об их этнической идентичности. «Раз я считаю себя украинцем, значит, и мой родной язык — украинский», — полагали даже те, для кого грамотно объясниться на этом самом родном языке представляет проблему (Tishkov, 1997). На самом деле, например, на Украине 47 % граждан (что более чем вдвое превышает долю этнических русских в населении) и поныне говорят либо исключительно, либо предпочтительно на русском (Khmelko, 1999).

Будучи через язык приобщенными сразу к двум или даже нескольким культурам, миллионы людей ощущают свою принадлежность одновременно как к титульной нации, так и к русскому народу. В большинстве бывших союзных и тем более автономных республик широко распространена смешанная — двойная и множественная — идентичность. Так, согласно опросам киевских социологов, 26 % населения Украины, а это примерно 13,5 млн человек, чувствуют себя одновременно и русскими, и украинцами (Шульга, 1996).

Однако, несмотря на сложность этнического и религиозного состава населения и многообразие его идентичностей, политические элиты в ближнем зарубежье фактически встали на путь строительства национальных государств по моделям конца прошлого века, опирающимся на титульное население и обеспечивающим им соответствующие привилегии. Для этого руководству новых стран приходится решать трудные задачи. Во-первых, консолидации титульной нации, поскольку в большинстве стран СНГ внутри самих титульных наций существуют значительные территориально-культурные различия. Во-вторых, государственного строительства и объединения всего населения вокруг «национально-сознательной» части титульной нации. Кавур когда-то сказал: «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев». Подобно этому, лидеры постсоветских государств хотят создать украинцев и грузин, казахов и туркмен. Иными словами, им нужно сформировать (в исторических масштабах очень быстро) новые этнические и политические идентичности, которые бы сплачивали население вокруг политической и интеллектуальной элиты. «Отцы нации» не могут ждать, пока сравнительно медленные естественные демографические процессы и еще более инерционные языковые приведут к сдвигам в этнической структуре населения и в языковой ситуации (Kolossoy, O'Loughlin, 1998).

Исторический опыт показывает, что наиболее простой способ добиться этой цели — использовать не раз описанную в научной литературе (см., например, Spicer, 1971; Scott, 1990) модель строительства новой идентичности «от противного», т.е. противопоставить «своих» «чужим». Чем больше маркеров, отличающих «своих» от «чужих», удастся найти и закрепить в массовом сознании «строителям государства», чем быстрее и эффективнее сумеют они внедрить в систему среднего и высшего образования новый набор исторических мифов, символов и социальных представлений, тем больше шансов упрочить солидарность между членами этнической общности.

На роль «чужих» более всего подходят конечно же Россия, россияне и русские. Во многих регионах СНГ они открыто рассматриваются как «пятая колонна» российского влияния. Ведется жесткая и последовательная кампания по переходу всех государственных учреждений исключительно на язык

титульной нации и искоренению русского языка из сферы образования даже там, где русскоязычное и русское население составляет абсолютное большинство. Ведь чтобы сохранить свою монополию на власть в поликультурном обществе, титульные элиты должны навязать всему населению один язык и одну культуру, хотя даже среди самой титульной нации далеко не все разделяют ее символы, да и для многих представителей самой элиты русский язык ближе так называемого родного. В итоге, например, в более чем 3-миллионном Киеве, 22 % населения которого официально составляют русские, не осталось ни одного русскоязычного детского сада и только в 10 школах преподавание ведется на русском языке.

Срочно переписываются учебники истории, и на обязательных лекциях по национальной истории, заменивших курсы по научному коммунизму, новые исторические мифы преподносятся студентам как абсолютная истина, и с тем же догматизмом, с каким те же самые преподаватели еще недавно проповедовали марксизм-ленинизм. Нельзя отрицать, что национальные культуры понесли немалые потери и до революции, когда власть проводила политику русификации, и в советские годы, когда во имя формирования «единого советского народа» была принята линия на нивелирование социальных и культурно-лингвистических различий. Но неверно также представлять всю историю взаимоотношений с Россией как непрерывную борьбу за национальное освобождение, в которой титульный народ-страдалец понес неисчислимые жертвы и породил целый сонм героев.

Устанавливаются финансовые, а иногда и административные препятствия для распространения российской периодики, полностью или частично запрещается ретрансляция передач российского радио и телевидения. С трибуны Верховной Рады Украины утверждается, что «использование русского языка депутатами означает неуважение к украинскому языку как государственному и презрение к украинской культуре и украинскому народу» (и это при том, что около половины населения говорит на русском языке). Средства массовой информации изошряются в изображении России как варварской страны, угрожающей национальной безопасности. Лучшими аргументами для новых пропагандистов, несомненно, были отсутствие у России последова-

тельной и продуманной политики по отношению к ближнему зарубежью, а в начале 90-х годов и откровенные противоречия между действиями разных ветвей российских властей, многочисленные декларации российских радикалов, а затем и чеченские кампании.

Среди определенных слоев населения, прежде всего среди «национально-сознательной» интеллигенции, а также в некоторых регионах в целом такая линия встречает понимание. Независимость воспринимается многими национальными лидерами как реализация старого лозунга «Прочь от России!». Если в России «чужие», то где же «свои»? На этот ключевой вопрос политические элиты в различных частях бывшего СССР отвечают по-разному. В западной его части очевидно стремление к интеграции в западноевропейские структуры, поэтому лидеры всячески подчеркивают принадлежность титульного народа к европейской культуре, противопоставляя его не совсем европейским, евразийским или просто азиатским соседям.

Изыскания в целях обоснования новой идентичности имеют вполне зримые геополитические последствия в духе традиционной геополитики 20–30-х годов. Одно из них еще в 1915 г. с исчерпывающей ясностью было сформулировано Ф. Науманном: «Кто не хочет или не может стать российским, должен стать центральноевропейским». Другими словами, единственный способ избежать поглощения российской сферой влияния для небольших восточноевропейских государств — это создание Центрально-Европейского союза, или Балто-Понтийского пояса, своего рода санитарного кордона, отделяющего «настоящую» Европу от России.

Вместе с тем отношение значительной части или даже большинства населения многих регионов СНГ к России остается положительным. Так, на Украине 61 % расценивают свое отношение к ней как позитивное (в самой России к Украине положительно относятся 53 % респондентов). Более трети украинских граждан хотели бы жить с россиянами в одном государстве, абсолютное большинство выступает за прозрачные границы с Россией — без визовых и таможенных ограничений. Из России Украина получает более 40 % импорта, и Россия же остается основным импортером украинской продукции. Поэтому руководство Украины объективно

вынуждено постоянно искать компромисс между тем, как его действия будут оценены западными партнерами и как они повлияют на перспективы интеграции страны в «малую Европу», и тем, как они воспринимаются в России.

Действие всех этих факторов в последние годы определило дифференциацию отношений России с бывшими советскими республиками. Наиболее интенсивное взаимодействие развивается в рамках «двойки», включающей Россию и Белоруссию. Белоруссия — единственное государство СНГ, которое открыто заявляет о своем стремлении к самой тесной интеграции. В декабре 1999 г. подписан и ратифицирован обеими палатами российского парламента Договор о создании Союза России и Белоруссии, который видится многим политикам как новое образование федеративного типа.

На следующем уровне находится «пятерка», которая помимо России и Белоруссии включает Казахстан, Киргизию и Таджикистан. В марте 1996 г. Россия, Белоруссия, Казахстан и Киргизия подписали Договор о создании Сообщества суверенных республик, который символизировал их более тесную интеграцию, а позднее заключили Таможенный союз. В январе 1998 г. к договору присоединился Таджикистан; в феврале 1999 г. он вступил в Таможенный союз.

Отношения внутри «пятерки» непростые, поскольку многие договоренности остаются на бумаге, а члены «пятерки» не делают однозначной ставки на союз с Россией. Однако политические связи между Россией, с одной стороны, и остальными странами «пятерки» — с другой, развиваются достаточно интенсивно. Особенно часто посещает Россию президент Казахстана Н. Назарбаев. Движение между Россией и другими участниками договора оказывается в значительной степени односторонним: руководители России посещают эти государства заметно реже, как бы подчеркивая различия в геополитическом статусе. Помимо Белоруссии относительно большим вниманием пользуется Казахстан. Начиная с 1995 г. его дважды посещали и Б. Ельцин, и российские премьер-министры. Существование «пятерки» позволяет укрепить позиции России в Средней Азии. Не случайно Казахстан, Киргизия и Таджикистан приняли участие в крупной российско-китайской геополитической инициативе.

Особую роль играет вхождение в пророссийский геополитический блок политически нестабильного Таджикистана. Власти этого государства демонстрируют всевозрастающий интерес к России, которая наряду с Ираном стала одним из ключевых спонсоров процесса межтаджикского урегулирования (президент Таджикистана посещал Россию в 1996, 1997 и 1999 гг.). Получив возможность влиять на нынешнее политическое руководство Таджикистана, Россия активно включилась в систему политических отношений не только в Средней Азии, но и во всем исламском мире: в Таджикистане представлены интересы многих государств — Узбекистана, Ирана, Афганистана, Пакистана и др. Таджикистан наряду с Балканами и Ближним Востоком стал еще одной зоной геополитического разлома, где Россия сумела закрепиться за счет своей политики.

С остальными странами СНГ отношения складываются более сложно. Они, как правило, демонстрируют тяготение к другим политическим блокам, ориентируются на Запад (Украина, Молдова, Грузия, отчасти Армения), Турцию (Азербайджан) или пытаются проводить независимую политику с расчетом на повышение собственного геополитического статуса (Узбекистан, Туркмения). Наиболее интенсивно развиваются внешнеполитические контакты между Россией и Украиной. Хотя последняя все больше дистанцируется от России и даже пытается играть роль геополитического противовеса в постсоветском пространстве, Украина и Россия слишком тесно связаны с экономической и историко-культурной точек зрения, чтобы заблокировать двусторонние связи. Президент Украины посещает Россию как минимум раз в год. С российской стороны примерно с такой же периодичностью организуются визиты премьер-министров. В то же время визит президента России на Украину — событие редкое. Последний раз Б. Ельцин был в Киеве в мае 1997 г., а уже подготовленный визит в 1999 г. был отменен. Новый президент России В. Путин нанес в Украину один из своих первых визитов.

Особую логику имеют отношения России с еще одним амбициозным постсоветским государством — Узбекистаном. Под руководством И. Каримова Узбекистан пытается стать региональной державой Средней Азии (своеобразным «сред-

неазиатским тигром»). Это привело к ослаблению политических связей. Восстановление отношений началось только в 1998 г., когда Россия включилась в процесс межтаджикского урегулирования, исход которого крайне важен для Узбекистана. Результатом стал обмен визитами на высшем уровне.

Среди остальных постсоветских государств более интенсивно политическое взаимодействие с Арменией, Молдовой и Туркменией. Эти государства имеют непосредственный интерес к России: Армения — из-за традиционных союзнических отношений и своей изоляции на Кавказе, Молдова — в силу заинтересованности в решении приднестровской проблемы, Туркмения — в связи с экспортом природного газа через российскую систему трубопроводов. В последние годы отношения с Арменией и Молдовой были стабильными, хотя и недостаточно интенсивными. Важным для Молдовы событием стала организация в 1997 г. в Кишиневе саммита СНГ (обычно они проводятся в Москве).

Туркмения пытается вести политику нейтралитета, балансируя между Россией, Ираном и Турцией, и первой из постсоветских стран установила визовый режим для граждан России, что фактически ведет к ее выходу из постсоветской геополитической системы, пусть рыхлой и аморфной, но по крайней мере лишенной внутренних барьеров.

Наиболее сложны отношения России с Грузией и Азербайджаном — на этом направлении интенсивность политического взаимодействия самая низкая. Последний визит в Россию президента Грузии состоялся в марте 1996 г., а президента Азербайджана — в июле 1997 г. Руководство этих стран допускает откровенно антироссийские выпады. Существует явное несовпадение позиций по чеченскому вопросу (в России считают, что поддержка северокавказских исламистов идет через Азербайджан и Грузию), относительно транспортировки каспийской нефти (Грузия и Азербайджан поддерживают проекты нефтепроводов через Супсу и Джейхан, а не через Новороссийск) и разрешения конфликтных ситуаций вокруг Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии. В результате в 1999 г. Россия сама была вынуждена поставить вопрос о введении визового режима в отношениях с этими странами.

Весьма непросто развиваются отношения России с балтийскими государствами, которые остались за пределами

СНГ и с самого начала ввели визовый режим в отношениях с Россией. Страны Балтии явно демонстрируют свою прозападную ориентацию и не торопятся укреплять политические связи с «восточным соседом» (хотя значительная часть транзита российской нефти по-прежнему идет через Латвию). Чуть лучше обстоят дела с Литвой, через которую осуществляется сообщение с Калининградской обл. — российским анклавом на Балтике. Руководители Литвы довольно часто бывают в Москве в отличие от руководителей Латвии и Эстонии, которые подчеркнуто держат максимальную дистанцию в отношениях с Россией. Со своей стороны российские лидеры тоже не баловали страны Балтии вниманием.

Ближнее зарубежье, безусловно, является зоной пристального внимания российской внешней политики. Россия не уходит и не может уйти из «территорий-проливов», поскольку сохраняет рычаги влияния на ситуацию во многих соседних странах и конфликтных ареалах, а это позволяет ей играть более активную роль на мировой арене и включаться в региональные системы баланса сил. Россия также способна влиять на ситуацию в таких конфликтных узлах, как Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Крым, в меньшей степени — в Нагорном Карабахе.

Постепенно определяются перспективы взаимодействия с каждой из стран СНГ. Если раньше Содружество воспринималось как единое целое, составные части которого зависят от России экономически и должны прийти к идее реинтеграции, то теперь становится ясно, что в отношениях с каждой из них необходима особая политическая линия, учитывающая этнокультурную и экономическую специфику, особенности политического режима и географического положения. Отношения с ближним зарубежьем оказываются построенными по принципу концентрических кругов: Беларусь — на первом уровне, Казахстан, Киргизия и Таджикистан — на втором, прочие государства — на третьем (причем в их ряду выделяется Украина, отношения с которой сложны, но очень интенсивны).

Россия и Восточная (Центральная) Европа. Бывшие социалистические страны Восточной Европы оказались поглощены процессом налаживания контактов с Западной Европой. Наследие десятилетий существования «мировой социалистической системы» сильно сказывалось на протяже-

нии 90-х годов — восточноевропейские страны настороженно относились к России, да и экономические стимулы отношений с ней крайне ослабли. Россия в свою очередь тоже сконцентрировалась на своих непростых отношениях с Западом и долгое время не замечала бывших союзников. Показательно отсутствие российских инициатив на этом направлении. Свидетельством подхода к отношениям с восточноевропейскими государствами как к чему-то второстепенному служит очень небольшое число визитов российских премьеров (о президенте и речи не шло) в эти страны.

Попытки «возвращения» в Восточную Европу до сих пор остаются слабыми. Наиболее активную роль Россия пыталась играть на Балканах — в одном из основных конфликтных регионов мира, где она традиционно имела сильные позиции, а Сербия на протяжении веков считалась ее надежным союзником. Но самостоятельное балканское направление появляется в российской политике только во второй половине 1990-х годов, поскольку раньше страна следовала в русле западной политики. После 1995—1996 гг. Россия, используя традиционные связи с Югославией, начинает играть роль посредника между Западом и Югославией, предпринимая попытки защитить свои интересы на Балканах, сохранить позиции в Югославии и предложить сбалансированную модель урегулирования, учитывающую сербские национальные интересы. Правда, обмен визитами с Югославией оказался затруднительным, в том числе в связи с санкциями против нее: С. Милошевич последний раз был в России в августе 1995 г.

В 1998—1999 гг. Россия предприняла отчаянную попытку повлиять на процесс принятия решений по обустройству Балкан и будущему Югославии. Е. Примаков, будучи министром иностранных дел, в марте 1998 г. совершил турне по странам бывшей СФРЮ (Югославия, Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения). Самым ярким событием стал визит Е. Примакова — тогда уже премьер-министра — в подвергаемый бомбежкам Белград в апреле 1999 г. В свою очередь, интерес к России демонстрируют государства, возникшие на развалинах СФРЮ. Так, в 1998 г. в Москву приезжали президенты Македонии и Хорватии. Более стабильными становятся в последние годы и отношения с Болгарией, которая в советские времена считалась верным союзником Москвы, но после рас-

пада «восточного блока» начала открыто дистанцироваться от России. Ее руководители посетили Россию: премьер-министры — в 1996 и 1997 гг., президент — в 1998 и 1999 гг. (последний раз — неофициально). В то же время высшие российские руководители в последние годы в Болгарии не бывали.

Хотя после прихода к власти в Польше А. Квасьневского российско-польские связи несколько усилились (он два раза побывал в России — в апреле 1996 и июле 1998 г.), отношения с этой страной остаются сложными. Заметны контакты с Венгрией. Так, премьер-министры Венгрии были в России в 1995 и 1999 гг., министр иностранных дел Е. Примаков посетил Венгрию в феврале 1998 г. Наиболее слабым оказалось политическое взаимодействие с Чешской Республикой и Румынией: эти страны в последнее время особенно настойчиво демонстрировали свою западную ориентацию.

Треугольник Россия — Восточная (Центральная) Европа — Запад. Практически все восточноевропейские страны выстроились в очередь на вступление в ЕС и НАТО. Некоторые из них не без оснований опасаются, что их постигнет судьба Турции, уже много лет безуспешно пытающейся вступить в ЕС, другие полагают, что их недавние заслуги перед западным сообществом (в том числе позиция в косовском конфликте) помогут им уже в скором будущем преодолеть заветные барьеры. В любом случае Запад получил уникальную возможность поощрять и наказывать многочисленных учеников в своем подготовительном классе и реально влиять и на внутреннюю, и на внешнюю политику этих стран.

В свою очередь политические элиты большинства восточноевропейских стран, от рубежей бывшей Югославии до Украины, не жалеют сил, чтобы доказать, что уж их-то страна всегда была органической частью Европы и лишь происки «восточного соседа» временно отторгли ее от «большой» (а в реальности — «малой») Европы. В ход идут любые аргументы — и исторические связи, и религия, и культура, и якобы особые психологические качества титульного народа, роднящие его с народами «коренной» («малой») Европы. Вадим Цымбурский остроумно заметил, что в Восточной Европе «всяк европеец, да у каждого сосед — азиат». Главный «азиат» конечно же Россия, отождествляемая с Советским Союзом и коммунистическим режимом, источник угроз и нестабильности.

Таким образом, остается далеко не ясным, где проходят на востоке политические и культурные границы Европы, что такое Центральная и Восточная Европа. Ситуация осложняется непростым соотношением между макрорегиональной («межблочной») и микрорегиональной геополитикой, связанной с неустойчивостью в прошлом небольших государств Восточной Европы, расположенных в «проливе» между Европой и «островом Россия», или, в терминах Дж. Фэргрива, в зоне столкновения интересов (crash zone) Германии и России (Fairgrieve, 1915). Как писал Алексей Миллер, ментальность народов Центральной и Восточной Европы характеризуется коллективным экзистенциальным страхом реальной или мнимой угрозы национальной катастрофы в результате потери независимости, ассимиляции, депортации или геноцида (Миллер, 1997).

Борьба между Германией и Россией за сферы влияния вызвала изменения границ, последствия которых нередко отягощают отношения внутри региона. Этим частично объясняется и исключительная этнокультурная пестрота региона, трагедии этнических чисток и взаимное недоверие между многими странами. Европейский «зонтик» — это тоже гарантия от чрезмерного обострения внутрорегиональных конфликтов, своего рода ловушка, дальше которой все равно не смогут убежать потенциальные сепаратисты. (Kolossoy, Treivish, 1998)

Итогом стала реальная опасность возникновения нового железного занавеса в результате отлучения от Европы России, Украины, Беларуси и других стран, поставленных на лист ожидания «приема в Европу» (Болгарии, Румынии, части республик бывшей Югославии), или только восточнославянских стран, или одной только России. Для нее риск «геополитического одиночества» значительно возрастает. Это риск быть оттесненной тарифными барьерами от основных товарных потоков и магистральных путей распространения новых технологий, лишиться иностранных инвестиций и возможностей свободного общения с соседями из-за строгого визового режима, иными словами, быть отброшенной на периферию мирового развития. Он хорошо осознается в России. У нее свои «экзистенциальные страхи»: представления о своей стране как об «осажденной крепости» традиционны для российских политиков. В их коллективной исторической памяти

свежи воспоминания о сравнительно недавних периодах истории, когда Россия действительно противостояла угрозам со всех сторон. Этим, кстати, объясняется характерное и для других континентальных держав стремление обезопасить себя геополитическими оболочками, защищающими «коренную» территорию, о чем мы писали в первой главе. Неудивительно, что крайняя обеспокоенность приближением НАТО вплотную к границам России объединила представителей всех политических сил и всех слоев российского общества.

Решение о расширении на восток было принято до того, как было разработано представление о новой системе безопасности в Европе, и стало результатом кризиса идентичности НАТО, утратившего после распада СССР многолетнего «естественного» врага и вынужденного искать новый смысл своего существования (Салмин, 1999). Самым простым оказалось вернуться к старым геополитическим кодам, выработанным за десятилетия «холодной войны», традиционным представлениям о потенциальном противнике и противопоставить мощь НАТО «империалистическим устремлениям» России, якобы стремящейся любыми способами восстановить контроль над территорией бывшего СССР. Западные средства массовой информации начали настойчиво создавать образ России как «чужой» для Запада страны, принципиально невосприимчивой к ценностям либеральной демократии, пораженной коррупцией и неспособной уважать права человека. Целью прокатившихся по странам Запада в 1999 г. пропагандистских кампаний было доказать, что Россия утратила возможности и моральное право влиять на принятие важнейших экономических и политических решений в Европе и мире.

Конечно, жестокие перипетии политической борьбы и политические скандалы, громкие заявления радикальных левых и правых националистических сил в России давали для этого определенные основания. Однако на Западе до последнего времени российскую действительность предпочитали рисовать исключительно черными красками, словно не замечая объективных трудностей и достижений. Характерен заголовок статьи в солидном журнале Economist, посвященной итогам выборов 1999 г. в Государственную думу, которые, несмотря на все издержки, ознаменовали поражение крайних радикалов как слева, так и справа: «Мрачная и кровавая Рос-

сия» (Bleak and Bloody Russia, 1999). На Западе словно забыли о том нежданном подарке судьбы, каким было для него избавление от коммунистического режима в СССР, «железного занавеса» и постоянной конфронтации, практически «безвозмездное» объединение Германии. Стратегия завоевания доверия Запада путем фактически односторонних уступок, взятая на вооружение при Горбачеве и «раннем» Ельцине, не принесла успеха (Уткин, 1999).

Еще более осложнили отношения между Россией и Западом война с Югославией в марте — июне 1999 г. и последовавшие за ней события. В России восприняли решение о бомбардировках Югославии как беспрецедентное покушение на суверенитет независимого государства и попытку Запада, и в первую очередь США, диктовать миру свою волю в обход ООН, закрепить создание однополярного мирового геополитического порядка с полной гегемонией США и разрушить основы сложившейся после второй мировой войны системы международной безопасности. Акция союзников подрывала коренные принципы российской внешней политики и была расценена как прямая угроза национальной безопасности. Внезапным маршем десантников из Боснии в Приштинский аэропорт Россия стремилась доказать свое право на самостоятельное место в мире. В Москве опасались, что если сегодня «наказывают» Югославию, то завтра могут попытаться оказать политическое, экономическое и даже военное давление и на Россию.

И впрямь, очень скоро в западной прессе была инициирована массивная антироссийская кампания. Многие использованные в ней аргументы, прежде всего касавшиеся коррумпированности российской политической и деловой элиты, соответствовали действительности. Но основной смысл кампании в сущности заключался в том, чтобы доказать высказанный Г. Киссинджером тезис о том, что Запад принципиально не может доверять России, поскольку русской нации в целом имманентно присущ империализм и российское общество органически невосприимчиво к ценностям либеральной демократии. Следовательно, Запад должен противостоять России с тем же постоянством, с каким он противостоял Советскому Союзу, вне зависимости от того, какой режим находится у власти в Москве (Kissinger, 1994).

Впервые за многие десятилетия возникла реальная возможность прямого вмешательства объединившихся западных стран в дела России — чувствительных экономических, политических и даже военных санкций в случае продолжения военных действий в Чечне. Естественно, избранная в России стратегия решения чеченской проблемы и особенно конкретные пути ее реализации далеки от идеала. Но и западная сторона явно не желала принять российские аргументы. Создавалось впечатление, что там существует определенная заинтересованность в воссоздании биполярного или, точнее, псевдобиполярного мира: противостояния между объединенным западным сообществом и Россией — ослабленной, но по-прежнему представляемой в виде империи зла, этакого «плохого парня» из американского боевика. Это усилило в России чувство небезопасности и «геополитического одиночества», дало новые козыри сторонникам антизападных и изоляционистских геополитических концепций.

Подводя итоги 90-х годов, можно сказать, что связи с Восточной Европой вот уже почти десятилетие остаются слабым местом российской внешней политики. В то же время Россия за последние два года затратила немало усилий, чтобы стать значимым фактором политики на Балканах, предлагала свои услуги в качестве международного посредника и восстанавливала связи с другими Балканскими государствами. Эта активность вписывалась в российскую стратегию поддержания многополярного мира. Объяснить ее традициями панславизма и покровительства по отношению ко всем православным странам в российской внешней политике можно лишь отчасти. Панортодоксизм как ее основа находит крайне слабый отклик и в общественном мнении самой России, и за ее пределами. Примордиалистские¹ концепции типа «братья славяне», «православные братья» на исходе прагматического XX в. во многом утратили свое значение. В западной и в российской прессе необходимость проведения

¹ Примордиализм — совокупность концепций нации, согласно которым всякая этническая общность представляет собой социальную группу с неизменными и измеримыми признаками; принадлежность к ней — свойство каждого человека от рождения. Примордиализм связан с проповедями национальной исключительности и претензиями на этническую чистоту «своей» территории.

Россией активной политики противостояния военному вмешательству Запада часто объяснялась именно кровным родством между русскими и сербами. На самом деле, как показывают опросы ВЦИОМа, российские граждане вовсе не безоговорочно встали на сторону сербов: 40 % опрошенных были склонны винить в конфликте обе стороны. Лишь 14–16 % возлагали вину на косоваров (по мнению еще 5–7 %, виноваты были только сербы, а 39–40 % затруднились ответить). Во всяком случае более 80 % опрошенных высказывались против вооруженного участия России в конфликте на Балканах. (Surveys of VCIOM, 1998–1999).

Россия и страны Запада. Отношениям с ними, как уже говорилось, Россия в 90-х годах уделяла основное внимание. Наиболее важными и приоритетными во всем дальнем зарубежье были отношения с тремя странами — США, Германией и Францией.

На всех уровнях были довольно интенсивными контакты с США. Выделяется, в частности, 1995 год, когда между Россией и США состоялся обмен визитами на высшем уровне: Б. Клинтон посетил Москву в мае, Б. Ельцин нанес ответный визит в октябре. Однако во время вторых сроков правления обоих президентов интенсивность связей упала, хотя в 1998 г. президент России присутствовал в Денвере на встрече «восьмерки» и в том же году, сразу после дефолта 17 августа, президент США приехал в Россию. Однако резонанс от этих встреч был небольшим. Американцы уделяли большое внимание приему В. Черномырдина, который, будучи премьер-министром, считался вероятным преемником Б. Ельцина и побывал в США дважды в 1997 г. и один раз в 1998-м. Далее контакты развивались менее удачно. Премьер-министр Е. Примаков, отправившийся в США в момент начала бомбардировок Югославии, развернул свой самолет и отказался от визита. В июле 1999 г. США посетил премьер-министр С. Степашин, но вскоре он потерял свой пост.

Очевидно, что ослабление интенсивности взаимодействия с США (отношения с Канадой почти не развивались) и, наоборот, усиление связей с западноевропейскими странами следует считать существенной тенденцией второй половины 1990-х годов. Этот процесс начался после ухода с поста министра иностранных дел А. Козырева, который считался про-

американски настроенным политиком. И действительно, «вес» Северной Америки резко падает в 1996 г. по сравнению с 1995-м. Зато связи с Западной Европой, и прежде всего с Германией и Францией, развивались более стабильно, и фон их почти всегда был положительным. Россия начала формирование новой европейской политики. На первом этапе основным партнером в Европе считалась Германия, один из главных кредиторов и наиболее активный торговый партнер России. Канцлеры Германии, как Г. Коль, так и Г. Шредер, каждый год посещали Россию. Со своей стороны Б. Ельцин, в последнее время мало выезжавший за рубеж, был в Германии и в 1997, и в 1998, и в 1999 гг.

Начиная с 1997 г. Россия активно пытается усилить французское направление своей внешней политики. Президент Ж. Ширак охотно идет на контакт с Москвой, стараясь сбалансировать германское влияние в России и укрепить позиции своей страны. Он трижды посетил Россию: в 1997, 1998 и 1999 гг. В свою очередь, Б. Ельцин побывал во Франции в 1998 и 1999 гг. (последний раз — на саммите Совета Европы в Страсбурге).

Важнейшей внешнеполитической инициативой России стало объявление о создании «тройки» в составе России, Германии и Франции во время приезда в Москву Г. Коля и Ж. Ширака в марте 1998 г. Эта акция виделась в России как ключевой фактор европейской безопасности.

Достаточно стабильными остаются последние три года отношения с Италией. Премьер-министр Р. Проди нанес визит в Москву в 1997 г., Б. Ельцин посетил Рим в 1998-м, а в 1999 г. в России побывал премьер-министр М. д'Алема. Наблюдается некоторое оживление связей с Испанией, о чем, в частности, свидетельствует визит в Москву премьер-министра этой страны Х.М. Аснара в мае 1999 г.

На этом фоне неадекватно слабым было взаимодействие России с Великобританией, которая, играя роль ближайшего союзника Вашингтона в Европе, не стала значимым партнером России: традиции взаимопонимания между ней и Россией не столь сильны, как в случае с Германией и Францией. Однако можно выделить визит премьер-министра Т. Блэра в Россию вскоре после избрания в 1997 г. и поездку Б. Ельцина в Бирмингем на саммит «восьмерки». В 2000 г. Т.Лэр пер-

вым из западных лидеров нанес визит в Москву для личного знакомства с В. Путиным.

Из других европейских стран и географических ареалов особое место Северная Европа, отношения с которой традиционно развиваются на протяжении многих веков. Здесь главным партнером остается Финляндия, тесные связи с которой сформировались еще в советское время. Руководители Финляндии на протяжении последних лет неоднократно посещали Россию, причем чаще, чем политические деятели России (на высшем уровне визитов в Финляндию вообще не было). Сравнительно активно Россия взаимодействовала со Швецией и Норвегией. Об этом говорит тот факт, что Б. Ельцин успел посетить обе страны (Норвегию — в 1996 г., Швецию — в 1997-м). Роль «малых» европейских государств в российской внешней политике невелика, хотя во многих из них российские политические лидеры бывают весьма часто, участвуя в многосторонних встречах. Некоторые из этих стран Европы (например, Дания, Португалия, Ирландия) откровенно оставались на периферии российских политических интересов, да и они не проявляли к России большого интереса.

Россия и Азия. Азиатская политика России за последнее время претерпела существенные изменения. В советские годы она практически полностью сводилась к отношениям со странами арабского мира и Индией. К настоящему времени произошла смена приоритетов. Само формирование азиатского направления в политике России воспринималось как способ преодолеть зависимость от Запада, восстановить геополитическую субъектность и внести свой вклад в формирование многополюсного мира в противовес *pax americana*.

Главным геополитическим фактором на азиатском направлении для России становятся отношения с Китаем. Именно российско-китайские саммиты воспринимались как доказательство самостоятельности российской внешней политики и своего рода вызов Америке. Именно на встречах с китайскими руководителями Россия провозглашала свою приверженность идеям многополюсного мира. Б. Ельцин трижды побывал в Китае — в апреле 1996 г., в ноябре 1997 г. и в декабре 1999 г. (его последний визит в качестве главы государства). В свою очередь председатель КНР Цзян Цзэминь посе-

тил Москву в апреле 1997 г. и в ноябре 1998 г. Еще более частыми были контакты на уровне глав правительств.

Закономерным шагом стало формирование «азиатской пятерки», в которую вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. На саммите «пятерки», прошедшем в Бишкеке в августе 1999 г., стороны подтвердили свою готовность к созданию геополитического альянса. Фактически образование «азиатской пятерки» явилось действием, симметричным созданию «европейской тройки». Россия в этой евразийской системе пытается играть роль интеграционного центра, формирующего трансконтинентальную ось Париж — Берлин — Москва — Пекин с подключением ряда центральноазиатских государств.

Одно из важных отличий российской внешней политики от советской — определенное предпочтение Китая в сравнении с Индией. Одной из причин этого стала внутривнутриполитическая нестабильность в Индии (Советский Союз наладил прочные связи с кланом Неру—Ганди). Другой — большая геополитическая значимость Китая и особенности его позиционирования в глобальной системе, позволяющие считать альянс с Китаем противовесом американскому доминированию. В итоге политические контакты России и Индии развиваются неоправданно слабо. Россию почти не посещают руководители этого государства. Так, премьер-министр Индии за последние годы был в России только в марте 1997 г.

Более активно действовать на индийском направлении пытался только понимающий тонкости азиатской политики Е. Примаков, который, став премьер-министром, нанес визит в Индию в декабре 1998 г. Тогда была провозглашена возможность создания оси Москва — Дели — Пекин как противовеса геополитическим амбициям Запада. Здесь наблюдается та же тенденция, что и на европейском направлении. Сначала делается выбор в пользу крупной и наиболее перспективной державы (Германия в Европе, Китай в Азии), затем Россия начинает искать дублирующего партнера, чтобы вместо двухполюсной системы создать более стабильный треугольник, оставляющий стране пространство для маневра, балансирования между двумя находящимися в сложных отношениях центрами силы (Франция в Европе, Индия в Азии).

По всей видимости, Россия в Азии ищет не одного, а сразу двух «дублеров» Китая и делает ставку на формирование геополитического четырехугольника. Об этом свидетельствует явное улучшение с 1997 г. отношений с Японией. Прорывом в этом направлении стала красноярская встреча Б. Ельцина с японским премьер-министром Р. Хасимото в апреле 1997 г. За этим последовало активное взаимодействие 1998 г., когда в Японии побывали президент Б. Ельцин (апрель) и премьер-министр С. Кириенко (июль), а Россию посетил премьер-министр К. Обути (ноябрь). Первым зарубежным визитом его преемника стала поездка в Россию для встречи с новым президентом В. Путиным.

Совершенно новым направлением азиатской политики России становятся попытки включиться в интеграционные процессы в АТР. Не имея пока реальных возможностей стать одной из лидирующих тихоокеанских держав, Россия по крайней мере пытается «застолбить» участие в этих процессах, хотя бы обозначить присутствие на Тихом океане. Министры иностранных дел А. Козырев и Е. Примаков уделяли внимание форумам АСЕАН. Так, А. Козырев посетил конференцию АСЕАН в Брунее в июле—августе 1995 г., а Е. Примаков — конференцию министров иностранных дел стран—членов АСЕАН в Джакарте в июле 1996 г. и конференцию АСЕАН на Филиппинах в июле 1998 г. Став премьер-министром, Е. Примаков участвовал в саммите АТЭС в Малайзии в декабре 1998 г., что подавалось как прорыв на тихоокеанском направлении. В октябре 1999 г. на форуме АТЭС в Окленде побывал премьер-министр В. Путин. Однако интерес стран АСЕАН к России остается незначительным. Из поездок руководителей стран АСЕАН можно выделить только визит в Россию президента Филиппин в 1997 г.

Отметим также попытки России не утратить активной позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Здесь у нашей страны сложилась группа традиционных партнеров в лице Сирии и Ирака, отчасти Египта. После распада Советского Союза Россия старалась хотя бы частично сохранить свое влияние на Ближнем Востоке. Об этом свидетельствуют участие Б. Ельцина в международной конференции по ближневосточному урегулированию (Египет, март 1996 г.) и ежегодные ближневосточные турне российских министров

и иностранных дел. С особой тщательностью к подготовке визитов и российских инициатив подходил востоковед и арабист Е. Примаков. В итоге удалось пробудить интерес арабских лидеров к России: после долгого перерыва Москву посетили президент Египта Х. Мубарак (1997) и президент Сирии Х. Асад (1999), не говоря уже о частых визитах лидера Палестины Я. Арафата.

В отличие от СССР, защищавшего арабские позиции, России сегодня удается играть роль более эффективного посредника, используя наладившиеся отношения с Западом и Израилем (визиты израильских премьер-министров стали частым явлением) и сохраняющиеся связи с арабами. Роль посредника Россия пыталась играть и в отношениях между Западом и Ираком. Как и в случае с Югославией, ее задача состояла в том, чтобы донести иракскую позицию до западных партнеров и настоять на частичном ее учете при принятии решений. Не случайно иракский вице-премьер Т. Азиз посещал Москву во время каждого обострения ситуации вокруг своей страны. Наконец, символичным стало участие президента России в похоронах короля Иордании Хуссейна в феврале 1999 г.: Б. Ельцин прилетел в Амман, несмотря на плохое состояние здоровья.

Политические контакты с Ираном, целесообразность которых активно обсуждается в российском истеблишменте, развиваются менее интенсивно, поскольку встречают резко негативную реакцию Запада. Фактически давление Запада не дает России возможности проводить более самостоятельную линию в отношениях с этой страной, поэтому обмен визитами остается редким. Отметим приезд Е. Примакова в Тегеран в декабре 1996 г.

В то же время растет интерес к России стран исламского мира, почти не сотрудничавших с Советским Союзом. Прежде всего речь идет о странах Персидского залива и Пакистане. Премьер-министр Пакистана посетил Москву в апреле 1999 г. Контакты со странами Персидского залива пока развиваются на уровне министров иностранных дел, но уже это может считаться прорывом: в 1997 г. в России побывал руководитель внешнеполитического ведомства Омана — страны, с которой СССР не имел никаких отношений, а в 1999 г. — министры иностранных дел Саудовской Аравии и Кувейта.

В то же время обмен визитами с Турцией, с которой у России складываются традиционно сложные отношения, остается небольшим, несмотря на ставшие достаточно прочными экономические связи и огромный поток российских туристов. В геополитическом плане Турция предпочитает контакты с тюркскими государствами ближнего зарубежья и Украиной.

Как и в случае с Европой, перспективным становится возрождение связей с традиционными партнерами, хотя интенсивность отношений остается явно недостаточной и далека от прошлых «рекордов». Уже говорилось о восстановлении отношений с Сирией, Египтом, осторожном взаимодействии с Ираком (здесь российская нефтяная компания «Лукойл» реализует свои экономические проекты). В Монголии Россия пытается удержать контроль над крупнейшим медным комбинатом «Эрдэнэт». Эффективно вновь налаживаются связи с Вьетнамом. Премьер-министр В. Черномырдин посетил Ханой в ноябре 1997 г., а президент Вьетнама нанес ответный визит в августе 1998 г. В то же время связи с Лаосом и Камбоджей, ранее включавшимися в социалистический лагерь, практически сошли на нет.

Таким образом, азиатское направление постепенно становится наиболее интенсивно развивающимся в российской внешней политике. Пока эта тенденция является скорее геополитической игрой, не обеспеченной ресурсами и не подкрепленной адекватными внешнеэкономическими связями. Однако ясно, что Россия создает себе в Азии задел на будущее, обозначая присутствие в крупнейших центрах мировой политики и заявляя о принципиальной позиции относительно недопущения попыток глобальной гегемонии.

Россия, Африка и Латинская Америка. Государства Африки и Латинской Америки остаются на периферии российских интересов. У России явно не хватает ресурсов для расширения деятельности в этих геополитических ареалах. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие внимания к Африке, значительная часть которой прежде относилась к советской сфере влияния. Визиты носят единичный и во многом случайный характер. Из последних событий можно выделить приезд президента Намибии С. Нуйомы в 1998 г. и президента ЮАР Н. Манделы в 1999 г., а также возобновление военно-технического сотрудничества

с еще одним традиционным партнером — Анголой (визит министра обороны И. Сергеева в сентябре 1998 г.).

Немногим лучше обстоят дела в отношениях с Латинской Америкой. Единственным прорывом на этом направлении стало латиноамериканское турне Е. Примакова в ноябре 1997 г. (Бразилия, Аргентина, Колумбия и Коста-Рика). Затем в апреле 1998 г. он побывал в Колумбии. Однако дальнейшего расширения контактов не последовало. Из визитов латиноамериканских лидеров в Россию отметим только приезд президента Аргентины К. Менема летом 1998 г. Произошло определенное восстановление отношений с Кубой, однако оно далеко от прошлых объемов.

Итак, российская внешняя политика за последнее время стала более определенной и перспективной. Но остаются проблемы, связанные с возможностями ее реализации. Они определяются:

- несовпадением представлений о будущем России в нашей стране и за рубежом;
- риском новой изоляции России;
- появлением альтернативных геополитических проектов, лишающих Россию перспектив.

Чтобы оценить возможность реализации российских геополитических проектов, заложенных во внешней политике страны во второй половине 1990-х годов, следует еще раз проанализировать современную ситуацию. Геополитическое положение государства определяется не только физической географией, но и изменениями в мировом геополитическом порядке, геоэкономическими процессами. Очевидно, что после распада СССР геополитический статус России снизился. На постсоветском пространстве, не исключая и территории самой России, стали утверждаться внешние центры силы. Дезинтеграционные процессы поставили под вопрос геополитическую субъектность России.

Современное геополитическое положение России в мире может рассматриваться с двух точек зрения. Первая считает её географическим центром глобальной системы (хартлендом) и интеграционным ядром Евразии. Распространено и представление о России как о своеобразном «мосте» между Европой и Азией (русские философы, в частности Н. Бердя-

ев, говорили о России как о посреднике между Западом и Востоком).

Россия сохраняет свой геополитический потенциал центра Евразии, но возможности его использования ограничены, что ведет к превращению России в региональную державу с тенденцией к дальнейшему снижению геополитического статуса. Экономическая слабость (по данным ИМЭМО за 1998 г., Россия производит лишь 1,7 % мирового ВВП), отсутствие государственной воли и общественного согласия относительно путей развития страны не позволяют реализовать теорию хартленда в ее новом звучании — как интеграционного ядра Евразии.

Происходит качественное изменение геополитической структуры постсоветского пространства, которое теряет свой изначальный «россоцентризм». СНГ действует неэффективно. Главные причины, сдерживающие его распад, — зависимость от российского топливного сырья и — культурно-исторические связи. Однако как геополитический и геоэкономический центр Россия оказывается слаба. Тем временем с бывшими советскими республиками активно взаимодействуют европейские страны, в особенности Германия, Турция с ее попытками восстановить единство тюркского мира «от Адриатики до Великой Китайской стены», Китай (Центральная Азия), США (Прибалтика, Украина, Грузия) и др. На роль новых региональных держав пытаются претендовать Украина и Узбекистан, причем Украина видится западным геостратегам как естественный противовес России и ее «имперским амбициям» в постсоветском пространстве (идея, активно пропагандируемая З. Бжезинским).

Новые государства стремятся участвовать в многочисленных геополитических союзах, альтернативных СНГ (европейская, тюркская, исламская и другие виды интеграции). Роль этих блоков обычно недооценивается в России, где еще сильно убеждение, что «никуда они от нас не денутся». На границах России возникают региональные системы сотрудничества, в некоторых она принимает посильное участие — балтийская, черноморская, каспийская, азиатско-тихоокеанская системы. Однако в ряде случаев объединение идет без нее. Активно взаимодействуют друг с другом страны Средней Азии. Альтернативой СНГ здесь видятся собственный

Среднеазиатский союз, тюркская интеграция (саммиты тюркских государств) или объединение мусульманских стран в рамках организации «Исламская конференция».

К важным геополитическим процессам следует отнести консолидацию Украины, Молдовы, Грузии и Азербайджана, объединение которых называли ГУАМ. В 1999 г. к ним добавился Узбекистан, и на свет появился ГУУАМ. Этот блок представляет собой геополитический противовес российскому влиянию в постсоветском пространстве. Обращает на себя внимание активная роль Украины, руководители которой за последние несколько лет неоднократно посещали страны, позднее составившие ГУУАМ, и принимали у себя их руководителей. Официальный Киев при благосклонном отношении Запада пытается играть роль геополитической альтернативы Москве. Поскольку опыт последних лет ясно показывает, что в Восточной Европе идеи всякого союза без России есть, как правило, планы союза против России, перспективы воссоздания средневекового Балто-Понтийского пояса — своеобразного кордона вдоль западной ее границы — вызывают у нее озабоченность.

Чтобы преодолеть транспортную зависимость от России, среднеазиатские страны «прорубают окно» к Индийскому океану. Уже построена железная дорога Теджен — Серахс — Мешхед, соединяющая Туркмению с Ираном, что дает Туркмени и другим странам региона выход к Индийскому океану (в перспективе этот выход может стать полезным и России, особенно в случае строительства транспортного коридора «Север—Юг» по относительно короткому маршруту Ералиев (Казахстан) — Красноводск — Кизыл-Атрек — Иран). Рассматривается вариант создания альтернативной коммуникационной оси, соединяющей Туркмению и Узбекистан через Афганистан с Пакистаном. Реанимирована идея Великого шелкового пути, который почти полностью выводит южных соседей России из-под ее влияния. Маловероятно, что через Россию будет осуществляться транзит каспийской (азербайджанской) нефти. Только нефть Казахстана может экспортироваться через порт Новороссийск.

В результате страны — члены СНГ переориентируются на другие геополитические центры. Лишь ось Москва — Минск остается устойчивым геополитическим образованием, скреп-

ляющим единство Евразии на пророссийских основаниях и препятствующим формированию Балто-Понтийского пояса. Не случайно многие западные исследователи уже не считают Россию значимым геополитическим центром, полагая, что мировые процессы определяются отношениями Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Поставлено под вопрос геополитическое единство самой Российской Федерации. Национальные республики развивают свои внешние связи, руководствуясь этнокультурными критериями. Возникла даже конкуренция исламских стран за влияние в российских республиках. В результате геополитического расслоения пространства. Северный Кавказ в целом стал зоной геополитического риска в пределах российских границ.

Геополитические проблемы связаны и с другими республиками, некоторыми краями и областями. Так, остается заброшенной окраиной России Дальний Восток, вынужденный самостоятельно развивать связи с Китаем, Японией и др. В сложной ситуации оказалась Калининградская обл., отделенная от остальной части России и при этом сохраняющая роль западного военного форпоста страны. В этих условиях усиливается давление соседних стран, претендующих на российские территории (Карелия, Псковская обл., граница с Китаем, Сахалин и Курильские о-ва).

После распада СССР стала очевидной ограниченность выходов России к морю. Роль геополитических «окон» выполняют на Балтике Санкт-Петербург с Ленинградской обл. (Калининградская обл. не в счет в силу своего эксклавного положения), на Черном море — Краснодарский край (Новороссийск) и Ростовская обл. (попытки возрождения Таганрога), на Каспийском море — Астрахань (Дагестан выпадает из-за этнополитических проблем). На Тихом океане эту роль играет Приморский край, в существенно меньшей степени — Хабаровский край, Сахалин и Камчатка. При этом важно отметить, что Балтийское и Черное моря относятся к числу «закрытых», и проливы контролируют другие державы (отсюда минимальная геополитическая значимость Балтийского и Черноморского флотов). «Закрытым» является и Японское море. Поэтому особое военно-стратегическое значение имеют Кольский и Камчатский п-ова — единственные территории России, имеющие выход к открытым пространствам

Мирового океана — здесь базируются соответственно Северный и Тихоокеанский флоты (Колосов, Трейвиш, 1992).

Под вопросом оказывается и транзитная роль России. Реально действующие международные коммуникации сейчас обходят Россию стороной. Связи между Европой и АТР в основном осуществляются по морю, минуя Россию. Воссоздается Великий шелковый путь (ВШП), связывающий Восточную Азию и Европу по суше. Начинается работа по реализации проекта транспортного коридора «Европа — Кавказ — Центральная Азия» (ТРАСЕКА), который находит поддержку как в Китае и Японии, так и в Европейском союзе (особенно в Германии). Эта программа была принята в 1993 г. на конференции в Брюсселе, в которой участвовали руководители восьми государств Закавказья и Средней Азии. Позднее к ней присоединились Монголия, Украина и Молдова. На международной конференции в Баку в сентябре 1998 г. руководители Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Грузии, Турции, Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии заключили соглашение о развитии транспортного коридора, транзита и коммуникаций.

Трансевразийский коридор в силу стечения обстоятельств должен пройти в обход самого крупного евразийского государства — России. Теоретически остается возможным его «северный» вариант из Европы через Беларусь или Украину, Россию и Казахстан с выходом через Туркмению в Иран и к Индийскому океану, куда более простой с точки зрения числа преодолеваемых границ. Но западные страны сегодня поддерживают вариант в обход России, предпочитая не ставить свои отношения с АТР в зависимость от нестабильной России (несмотря на то, что внутривосточная стабильность стран, по которым намечен маршрут, куда более сомнительна). Такова цена, которую Россия платит за геополитический распад пространства СССР и потерю Закавказья и Средней Азии. Важнейшую магистраль будущего предполагается проложить из Китая через Казахстан (Киргизию), Узбекистан, Туркмению, Азербайджан, Грузию в Турцию и дальше в Европу через Турцию и Болгарию или через Украину, Молдову и Румынию.

Правда, в формирующемся поясе небольших государств к югу и юго-западу от российских границ есть слабые места.

Этнополитическая нестабильность характерна для Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, который граничит со среднеазиатскими странами. Не определено место стыковки ВШП с китайскими коммуникациями. На эту роль претендуют Казахстан, уже связанный с Китаем в транспортном отношении, и Киргизия, которую могут поддержать геополитические соперники Казахстана (в этом случае необходимо строить дороги в высокогорных районах Тянь-Шаня, к чему уже готовы в Китае). Иран и Армения предлагают свои сухопутные коммуникации, другие участники проекта по причинам геополитического характера и при поддержке Запада говорят об использовании паромной переправы из Туркмении в Азербайджан (в обход Ирана) и дороги, напрямую связывающей Азербайджан с Грузией (в обход Армении). Наконец, связь Грузии с Украиной планируется осуществлять по морю, поскольку сухопутные коммуникации проходят через полунезависимую Абхазию и Россию.

Таким образом, на южных окраинах постсоветского пространства и в Юго-Восточной Европе формируется «новый римленд», охватывающий полукольцом «евразийский хартленд». Россия же может оказаться глухим северо-восточным углом Евразии, находящимся на обочине торговых путей. Существующие коммуникации, такие, как Транссиб, в качестве транзитного «моста» используются слабо, и неясны перспективы их реконструкции (Япония проявляла к этому интерес, но она же вкладывает деньги в реконструкцию дорог, слагающих ВШП). На сегодняшний день Россия слабо использует свой «тройной» геополитический потенциал интеграционного ядра Евразии, транзитного государства и развитого экономического центра.

Анализируя российскую внешнюю политику, следует обратить внимание на новейшие тенденции, возникшие после 1995–1996 гг. Во многом они были связаны с тем, что на посту министра иностранных дел западника А. Козырева сменил государственный Е. Примаков. Меняется вектор российской политики, она становится более самостоятельной. Особенно явной эта тенденция стала в 1997 г., когда Е. Примаков фактически имел карт-бланш на проведение своей линии. Результатом явилась существенная активизация внеш-

них связей России: на 1997 г. приходится наибольшее число визитов. Новый внешнеполитический курс основывался на следующих позициях.

1. Политика на западном направлении становится скорее проевропейской, чем проамериканской. Делается ставка на формирование треугольника Россия — Германия — Франция.

2. Формируется азиатская политика, устраняющая западный крен. Развитие азиатского направления ведет к формированию общей позиции с Китаем по вопросу о многополярном мире. Россия определяет свои отношения с Китаем, Индией и Японией и включается в сложную систему отношений в исламском мире.

3. Контакты с ближним зарубежьем становятся более осмысленными, идет концентрация внимания на наиболее важных геополитических проблемах.

4. Россия в качестве посредника включается в процессы урегулирования международных конфликтов (Югославия, Ирак, Таджикистан).

5. Россия демонстрирует геополитический по содержанию подход к своей внешней политике. Она активно включается в региональные системы баланса сил и формирует собственные альянсы («двойки», «тройки», «пятерки»).

6. Россия пытается расширить пространство своей внешнеполитической активности и в перспективе вернуть себе статус мировой державы. Страна ставит себе целью участие в наиболее перспективных интеграционных процессах в мире и в этой связи уделяет особое внимание АТР.

Многие аналитики говорят об изменении доктрины российской внешней политики. Так, А. Пушков определяет ее следующим образом: «развивать и продвигать отношения с Западом, ведя самостоятельную игру на других полях: китайском, южноазиатском, дальневосточном» (1997). По его мнению, эта доктрина представляет «третий путь», позволяющий избежать крайностей «доктрины Козырева» — «положение младшего и на все или почти на все согласного партнера Америки» и националистической доктрины — «дистанцироваться от Европы, США и западных институтов (НАТО, МВФ, Всемирный банк), попытаться превратиться в самостоятельный центр притяжения для всех тех, у кого не сложились отношения с Западом, от боснийских сербов до иранцев».

Заложенная Е. Примаковым геополитическая тенденция в основном была продолжена, поскольку по сути не имела альтернативы и отвечала геополитическим амбициям России. Однако 1999 год не привел к существенным прорывам.

В этот сложный момент полезно оглянуться назад и еще раз осмыслить успехи и неудачи российской внешней политики за последние годы. Наш анализ показал, что Россия после нескольких лет следования в хвосте западной политики нашла в себе силы сформулировать собственную геостратегию, концептуально обоснованную и вполне практичную. Эта геостратегия существенно отличается от советской, хотя опирается на многие традиции, заложенные и в имперский, и в советский периоды. Россия по-прежнему собирается играть роль мировой державы и не намерена мириться с понижением статуса, но при этом не авантюрна и не страдает агрессивным экспансионизмом. Ключевым направлением в российской внешней политике остается европейское, что подтверждает многовековые связи и ориентации страны.

Новая российская геостратегия пока не обеспечена должными экономическими и организационными ресурсами. Однако реалисты в России понимают, что восстановление позиций страны в мире займет многие годы, сейчас же самое главное — создать задел на будущее, на долгосрочную перспективу. Поэтому главные задачи сегодня — установить приоритеты в отношениях с разными странами, обозначить присутствие в ключевых геополитических ареалах, сформулировать принципиальные позиции по содержанию международных отношений. Только таким путем Россия сможет найти и утвердить свое место в стремительно формирующемся мировом порядке XXI века и претендовать на достойное великой страны будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наше динамичное время каждая страна, даже такая крупная, как Россия, связана с зарубежным миром тысячами нитей. В одной книге невозможно дать сколько-нибудь исчерпывающий обзор всех ее внешних связей. Мы совсем не коснулись, например, географии культурных и научных контактов, а в главе, посвященной коммуникациям, не рассматривали морской и автомобильный транспорт. Нас можно упрекнуть в том, что мы не сумели найти более детальную и географически дробную информацию, не учли каких-либо источников. Однако надеемся, нам удалось уловить основные закономерности эволюции внешних связей, отражающих истинное, а не мнимое или желаемое положение России в мире.

В 90-х годах оно сильно изменилось. Все мы помним, как еще недавно одним из основных аргументов сохранения СССР служило «единство народнохозяйственного комплекса». Нет сомнения, что такой комплекс действительно был. Последствия его распада и сейчас сильно ощущаются во всех государствах, возникших на развалинах Советского Союза. И все же удивительно, как быстро и радикально изменилось географическое распределение внешней торговли бывших советских республик. Несколько лет хватило для того, чтобы их экспортно-импортные связи в значительной степени переориентировались на дальнейшее зарубежье. Эти перемены вызваны как объективными потребностями национальных экономик, так и политическими факторами — стремлением к «эмансипации» в отношениях с Россией.

Границы между Россией и соседними странами все больше «окостеневают», становятся не только политическими, но и экономическими и культурными рубежами, разделяющими